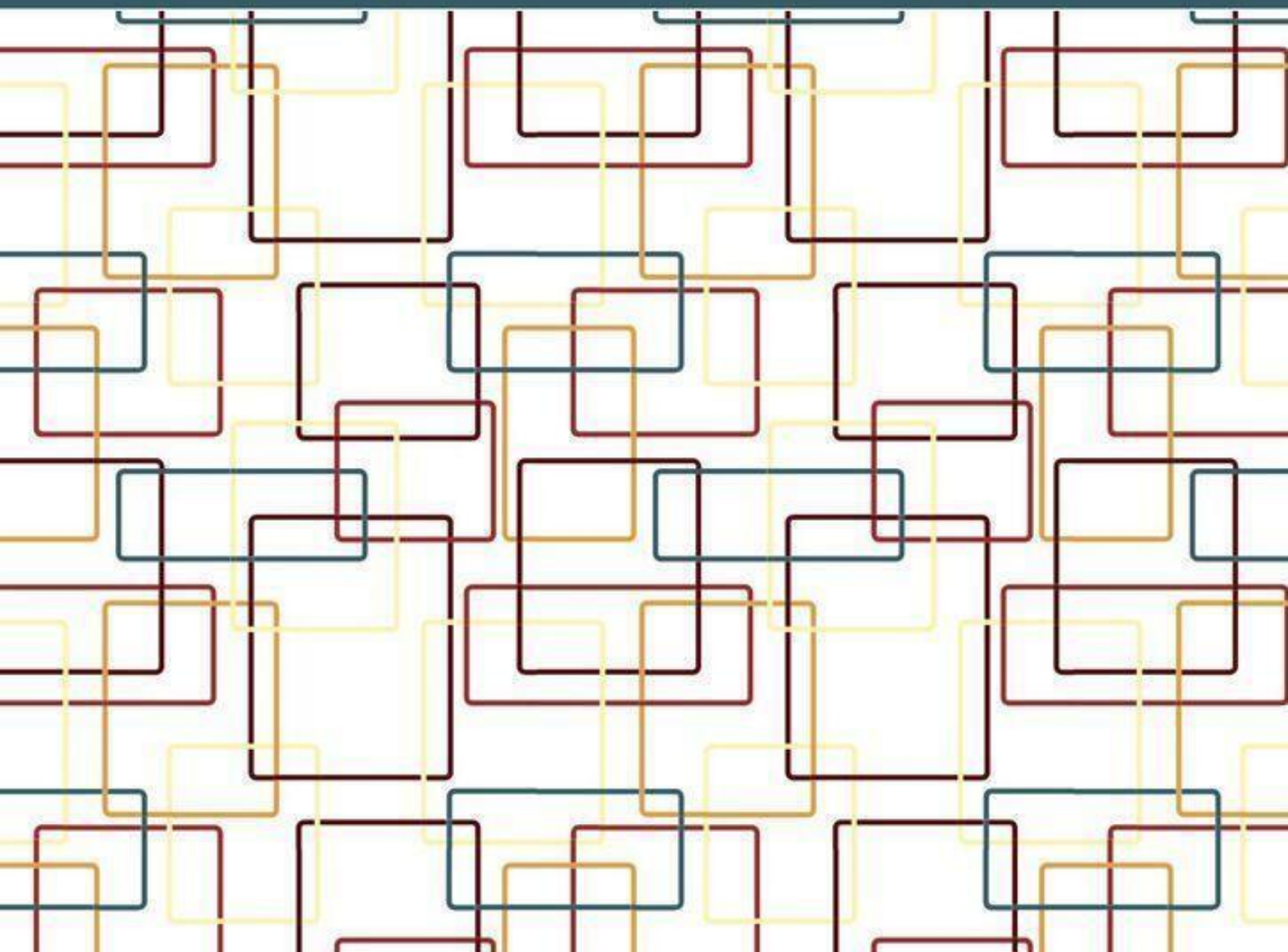

18+ Рузил Фазлыев

Наследница

Амазонка Адаезе

Рузил Фазлыев

Наследница. Амазонка Адаезе

«Издательские решения»

Фазлыев Р.

Наследница. Амазонка Адаезе / Р. Фазлыев — «Издательские решения»,

Однажды ее сила дала сбой, а вместе с ним рухнула легенда, на которой держалась репутация. Ее отец, знаменитый некогда защитник, и бывший сотрудник корпорации, которая превращает кровь и ложь в блестящую «судьбу», начинают охоту за скрытой правдой.

© Фазлыев Р.

© Издательские решения

Содержание

Амазонка Адаезе	6
ОТЕЦ	8
ЖАН	10
ЗДАНИЕ	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Наследница Амазонка Адаезе

Рузил Фазлыев

© Рузил Фазлыев, 2026

ISBN 978-5-0070-3684-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Амазонка Адаезе

Адаезе привыкла, что город слушает ее так, будто это музыка. Не звук — ритм. Световые полосы на стенах подстраивались под шаги, камеры запоминали ее улыбку, а люди заранее знали, как она скажет «не бойтесь». Правда была в том, что страх не исчезал — он просто получал правильного исполнителя.

В тот вечер небо над портом висело низко, как шлем, который не снять. Адаезе вышла на крышу склада, где по подвалам корпорации «Такдир» бегали блестящие кабели. Внизу толпились простые лохи — курьеры, разнорабочие, люди без имен в официальных документах. Они выглядели одинаково: усталые, но внимательные, потому что голод учит читать угрозу по микрожестам.

— Они выбрали добровольную жертву, — прошептал у нее в ухе внутренний голос силы. Голос был не ее. Или, точнее, был ее — но записан чужими чернилами.

Адаезе замерла. Ее амазонка-панцирь блеснул, как всегда. Однако в груди, под ребрами, что-то щелкнуло: трещина, о которой никто не должен был знать. Сила помнила кровь — и

теперь помнила ее не полностью. Проваленная мечта оставила дыру, через которую просачивалась настоящая причина.

Она спрыгнула вниз.

Сценарная ловушка в подвале была простой: стены внезапно включались в определенную последовательность света, и каждый, кто входил в круг, получал «блестящую краткую судьбу». Для кого-то это означало выигрыш в лотерею, для кого-то — встречу с тем, кто никогда не должен был встретиться. Для большинства — быструю награду, и после нее внезапную пустоту: их психика превращалась в полупрозрачный фантом для следующего контракта.

Адаезе ворвалась в подвал, закричала то, что люди понимали лучше молитвы: «Выходите, не смотрите на свет!» Она подняла ладонь, и кровь у дверных рам дрогнула — система признала ее власть.

Но трещина дала осечку. Сила не просто запаздывала — она меняла направление. Вместо того чтобы отбить свет, Адаезе ударила по полу. Поток энергии ушел в сторону, и круг не погас — он повернулся к соседней группе.

В тот же миг один из лохов закричал, рванулся вперед — добровольная жертва по собственной инициативе, как будто ей обещали счастье прямо сейчас. Адаезе успела схватить его за воротник, однако в пальцах почувствовала чужой холод. Ее хватка дрогнула — и он вырвался.

— Нет, — сказала Адаезе слишком тихо для камеры.

Видеодроны, как всегда, ловили только красивое. И на экране ее спасение выглядело уверенным. Никто не заметил, что она вывернула шаг в «неправильную» сторону — непонятное противоположное действие, которое мог совершить только человек, потерявший полный контроль.

На улице, где шумел транспорт, Адаезе слышала скрип колеса и запах дыма. Там стоял человек в темном пальто, который не пытался скрыться. Он не был похож на фаната. Он был похож на того, кто пришел за уликой.

— Адаезе Амазонка, — произнес он. Не вопрос.

Ее глаза сузились.

— Ты знаешь мое имя не потому, что имеешь доступ к правде, — сказала она. — Ты знаешь его потому, что ты охотишься.

— В каком-то смысле, — ответил мужчина. — Я ищу то, что корпорация «Такдир» прячет в твоей крови.

Сила внутри нее дернулась, как натянутая струна. Она ощутила пульс трещины. И поняла: охота началась.

Снаружи загудели сирены. Сценарная ловушка, не погасшая до конца, начала перекраивать местность — и в ее свете Адаезе увидела в отражении витрины короткий намек на чужое прошлое.

Проваленная мечта.

И кто-то, кто уже знает, почему она провалилась.

ОТЕЦ

Отец-орион появился не в переулке и не в подвале. Он появился так, как появляются люди в легендах: в правильном месте, в правильное время, без лишних декораций.

Адаезе вернулась домой на окраину, где у старых домов еще держался камень, а не реклама. Квартира пахла железом — не буквально, но памятью. Внутри ее панцирь казался тесным, как костюм после проваленного выступления.

Она вошла и сразу поняла: там уже были.

На кухонном столе лежала тонкая пластина — без бренда, но с текстурой, которую Адаезе узнавала кожей. Это была корпоративная метка судьбы: ее ставили на предметы, которые использовали как ключи к контрактам.

— Убирай, — сказала Адаезе в пустоту, не повышая голоса.

Ответом стал тихий щелчок. Отец сидел в кресле, словно ждал. Он не улыбался. У него всегда было лицо человека, который выучил дисциплину и теперь требовал у мира доказательств.

— Ты выглядишь так, будто тебе изменили план, — произнес он.

— План всегда меняется, — сказала Адаезе. — Разница лишь в том, кто платит за смену.

Отец поставил ладонь на стол и подтолкнул пластину ближе.

— Ты слышишь трещину, — сказал он. — Твоя сила перестала быть целой.

У Адаезе дернулось горло. Она знала, что ее трещина — не тайна, а приговор: если ее увидят, корпорация воспользуется, а враги — превратят в повод. Но отец не должен был понимать этого так точно.

— Ты не имел права приносить это сюда, — сказала она.

— Я имел право, — ответил он. — Я твой отец.

В этих словах было больше приказа, чем любви.

Он поднял старый семейный артефакт: металлический амулет, похожий на стрелу. В середине у него был рисунок — тонкая спираль. Адаезе видела его всю жизнь, но никогда не задавалась вопросом, почему спираль повторяет форму ее трещины.

— Корпорация вшила сценарий в твоё детство, — произнес отец. — Не «случайность». Не «ошибка». Они использовали тебя как витрину: кровь и ложь превращаются в блестящую судьбу, и люди считают, что судьба принадлежит им.

Он достал маленький экран. На нем всплыла запись: мальчишка Адаезе, еще до костюма, тянет руку к светящейся капсуле. Капсула обещала «исполнение мечты». В кадре рядом стояли люди в белом — сотрудники «Такдира».

— Мечта провалилась, — сказал отец. — Потому что ты отказалась стать идеальной.

Адаезе сделала шаг вперед, но трещина снова щелкнула — будто сила спорила с правдой.

— Я отказалась? — переспросила она. — Или они заставили меня?

— Они заставили, — ответил отец. — И после этого сделали вид, что провал случился «по воле мира».

Адаезе сжала кулак. Внутри вспыхнула злость — красивая, жаркая, опасная.

— Ты пришел сказать это, чтобы я раскаялась? — спросила она.

— Я пришел, чтобы ты поняла: теперь у корпорации новый заказ.

Он наклонился и прошептал, будто опасался камер.

— Бывший сотрудник уже на охоте. Твой след он разыскивает не ради спектакля.

— Жан Грант, — выдохнула Адаезе, будто имя уже было ей знакомо через боль.

Отец кивнул.

— Он хочет правды. А корпорация хочет, чтобы правду превратили в спектакль.

Адаезе смотрела на амулет. Он был теплым. Словно внутри него все время жило сердце.

— Что ты хочешь от меня? — спросила она.

— Чтобы ты перестала играть роль и перестала беречь себя так, будто ты единственная, кто заслуживает выжить.

— Это странный способ заботиться, — заметила Адаезе.

Отец поднял глаза.

— Я люблю тебя, но в любви у меня нет терпения.

Слова ударили. Адаезе ощутила желание оборвать разговор — но не словами. Не криком. Она выбрала действием: схватила амулет и швырнула в раковину.

Металл ударился, искры посыпались. Отец не дернулся.

— Ты сумасшедшая? — спросил он.

— Нет, — ответила Адаезе. — Я опасная, когда контроль ускользает.

И это было правдой. Она специально сломала артефакт, который мог стать ключом к тайне, чтобы не позволить ему управлять ее дальнейшими решениями.

Отец встал медленно. В его взгляде было что-то, похожее на боль без паники.

— Ты сделала непонятное противоположное действие, — сказал он. — Но ты все равно на шаг впереди.

Адаезе вытерла ладонь о брюки.

— Если Грант здесь, он услышит мое имя через трещину. А ты — через кровь семьи.

— Тогда оставайся дома, — приказал отец. — Я приду за тобой снова, но уже с ответом.

Он ушел без шума. Дверь закрылась, будто в квартире ее и не было.

Адаезе осталась среди тишины и искр от сломанного металла. Сила внутри дрожала: она хотела собрать амулет обратно, словно знала, что завтра будет нужно.

А корпорация где-то далеко уже готовила новые блестящие обещания — и знала, как привлечь к ним добровольных жертв.

ЖАН

Жан Грант нашел Адаезе там, где люди меньше всего ожидают спасения: в месте, похожем на ярмарку отчаяния. Ночные клубы на окраине, дешевые гирлянды, запах сладкого алкоголя и металлическая усталость. Там миниалигархи покупают не удовольствие — внимание.

И там же, по следам, которые Адаезе пыталась стереть, стоял Рашид с планшетом в руках. Афганец смотрел не на сцену — на выходы, на охрану, на камеры. Он явно понимал цену каждой секунды.

— Она здесь, — сказал Рашид тихо. — Я не уверен, что она в безопасности.

— Она никогда не была в безопасности, — ответил мужчина у стены.

Жан Грант появился без эффектов. Только взгляд — как сканер, который не выбирает жалость.

Адаезе вышла из тени, и город снова, как умеет, попытался сделать ее картинкой. Но трещина внутри мешала кадру быть идеальным.

— Ты вытащил меня из подвалов, — сказала она. — Зачем?

— Чтобы ты слышала, что корпорация сделала с твоей мечтой, — ответил Грант. — И чтобы ты увидела цену правды.

Он вынул маленький картридж. На нем был код судьбы — короткий, блестящий, будто игрушка.

— Корпорация использует сценарий, чтобы управлять исходом, — сказал Грант. — Но люди думают, что это удача.

Он повернулся к Рашиду.

— Один из тех, кого они заманили, уже готов стать жертвой.

Рашид дернулся.

— Не делайте этого.

— Поздно, — мягко произнес Грант. — Но мы сделаем иначе. Мы покажем, как сценарий работает на живом.

Адаезе шагнула ближе.

— Не надо. Если ты используешь кого-то как доказательство, ты станешь таким же.

— Я уже стал, — ответил Грант. — Но я плачу за это иначе.

Он нажал на картридж.

Сценарий ожил в воздухе, как световая паутина. Один из молодых охранников миниалигарха Тео Миниалигарха — парень с самодовольной стрижкой — вдруг выпрямился, будто ему сообщили, что он избран.

— Я буду жить вечно, — сказал он с улыбкой человека, который принял чужую ложь за свою правду.

Адаезе а почувствовала знакомую тягу крови-логики. Сила в ней потянулась к этому ощущению, словно искала подтверждение.

— Нет, — выдохнула она.

Она ударила по паутине, но опять — не туда, куда хотела. Сила отклонилась, и паутина не оборвалась, а переместилась на соседнюю фигуру — на Лоха Улицы, который стоял рядом и просто хотел уйти.

Адаезе поняла: если Грант продолжит эксперимент, пострадает кто угодно.

Она бросилась вперед, схватила лоха за плечо и дернула в сторону. Прием был грубый, почти жестокий.

— Жить хочешь? — спросила Адаезе, будто это не угроза, а забота.

— Да... — выдавил лох.

Паутина лопнула, но трещина внутри Адаезе стала шире. Она чувствовала, как боль проходит по нервам, словно кто-то выжигает правду.

Грант смотрел на нее.

— Ты пытаешься спасти, но ты срываешь сценарий непредсказуемо.

— Потому что он во мне, — резко ответила Адаезе. — И потому что я устала быть «идеальной».

Грант наклонился ближе.

— Теперь слушай. Твоя проваленная мечта не была провалом. Это была попытка корпорации удержать тебя в роли.

— Какой роли? — спросила Адаезе.

— Роли наследницы, — сказал Грант. — Амазонка должна была стать знаменем. Но ты не выдержала подмены.

Адаезе закрыла глаза на секунду.

Она услышала, как город гудит. Как где-то вдалеке Тео Миниалигарх смеется, думая, что купил себе судьбу. Как где-то в темноте Рашид считает маршруты — и боится, что его используют.

— И что ты хочешь от меня? — спросила она.

— Уничтожить ключ, — ответил Грант. — Тот, что хранит контракт в твоей крови. Он у твоего отца.

Адаезе усмехнулась без радости.

— Он уже сломал мне прошлое.

— Он сломал себе, — возразил Грант. — И теперь охотится, потому что иначе его вина его съест.

На мгновение между ними появилась тишина, в которой были и уважение, и подозрение.

— Скажи прямо, — потребовала Адаезе. — Ты хочешь правды или хочешь встать рядом с ней, чтобы снова контролировать?

Грант посмотрел в сторону выхода.

— Я хочу перестать быть инструментом, — ответил он. — Но я не могу обещать, что мои действия будут понятными.

Его слова совпали с внутренним чувством Адаезе: склонность к непонятным противоположным действиям была заразной.

Жан Грант протянул ей карту мест. На ней были отмечены склады, подземелья, и одно место, где должна была храниться запись судьбы.

— Я иду туда первым, — сказал он. — И если корпорация поймет, что я предаю, меня превратят в краткий блеск.

— Не превратишься, — сказала Адаезе и сама удивилась тону: в нем была почти нежность.

Она знала, что это опасно.

Корпорация не прощает даже правду. Ее наказания выглядят как удача, пока не поздно.

ЗДАНИЕ

Здание корпорации «Такдир» в центре выглядело как музей честности. Белые стены, стеклянные коридоры, мягкий свет, в котором любой страх казался неуместным. Так продают рай тем, кто еще не видел цену.

Адаезе вошла первой. Ее шаги были тихи, но уверенность мешала ей дышать. Трещина в стене отзывалась на каждый запах — как будто в здании было слишком много чужих воспоминаний.

Грант шел следом, и в его руке дрожал маленький прибор — считыватель контрактов. Он делал вид, что дрожит от холода.

— Здесь есть узлы судьбы, — сказал он. — Они привязаны к крови и лжи.

— Ты сказал это как будто знаю я, — ответила Адаезе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.